

Воспоминания о Саше Смирнове

Ранним летним утром 1970 года отец провожал меня из деревни. Я закончил десять классов Аргуновской средней школы в Никольском районе Вологодской области, причем последние два года учебы мне приходилось добираться до школы за 20 км, и решил покинуть мою родную деревню Подольскую. Мы перешли в брод речку Шарженку, на челпановскую сторону, отец поставил мой чемоданчик на берег и пошел обратно. Я посмотрел ему вслед, взял свою небольшую поклажу и пошел на автобусную остановку.

Уезжал я в Мурманск. В этом городе отец некоторое время жил до войны, ходил в море, а потом воевал, сопровождал английские и американские суда которые шли в Мурманский порт. Он много мне рассказывал о Заполярье и я знал что после школы уеду в город его молодости.

На автобусе до Никольска, самолетом до Шарьи, и поездом до Мурманска. Северный город встретил меня легким туманом и летним полярным днем, который, казалось, не прерывался на вечерние и ночные часы. Я хотел учиться в Мурманском высшем мореходном училище, но там был строгий медицинский отбор и хотя я с детства занимался спортом и у меня не было проблем со здоровьем, врачи на комиссии обнаружили у меня «периодическое покраснение век», что не позволило мне стать курсантом. В тот же день, как только я услышал объяснение докторов училища, я подал документы в Мурманский государственный педагогический институт, был признан абитуриентом и мне выделили место в общежитии.

Пятиэтажное общежитие, что находилось в центре города, было заполнено абитуриентами, которые приехали не только из Мурманской области, но и из многих регионов страны. В семидесятые годы романтические настроения были присущи молодежи и многие юноши и девушки приезжали в Заполярье, в том числе и в Мурманский пединститут. Не все поступили, но многих я помню до сих пор, хотя мы были знакомы всего несколько недель. В те годы была распространена практика организации занятий и консультаций для абитуриентов в течении месяца до вступительных экзаменов, поэтому днем мы встречались на подготовительных занятиях, затем обедали в городских столовых, благо их было множество, гуляли по Мурманску и шли в общежитие. Среди нас было много начитанных, по-настоящему эрудированных молодых людей. Но мы не только готовились к экзаменам: вечерами (это условно, т.к. в Заполярье летом светло почти всегда) мы спорили на возвышенные темы, мечтали и верили, что нас ждет прекрасное будущее. Новые впечатления буквально захлестывали нас.

В те дни я познакомился с Сашей Смирновым из Йошкар-Олы. Название города мне было знакомо: там жила моя сестра Рая, выйдя замуж за военного, но я и не предполагал, что через несколько лет судьба меня сведет с Сашей уже в Йошкар-Оле. Смирнов всегда был интересным собеседником, душой компании. У современной молодежи есть такой термин-определение: прикольный. Наверное, в полной мере оно характеризует семнадцатилетнего Сашу Смирнова. Ему были присущи ирония и особый взгляд на окружающий мир, людей и события. Он

легко знакомился с людьми и имел успех у девушек. В то время у нас были другие приоритеты – ценился багаж знаний, начитанность и образованность. Было особое отношение к книгам. Так, например не было удивительным заявление одного парня из нашей компании, что если он не поступит в ВУЗ (а конкурсы были по-настоящему большими и жесткими), то устроится на работу на маяк с тем, чтобы ничто не мешало читать книги.

Мы были молоды и общительны. Это оправдывало всякого рода невинные приключения. Часть окон нашего общежития располагалась напротив обычной жилой пятиэтажки. Окно нашей комнаты, которая располагалась на третьем этаже, было раскрыто, и мы могли наблюдать, как в квартире напротив группа девчонок отмечала какой-то праздник, как выяснилось позднее – день рождения одной из девушек. Наша компания знаками поприветствовала их компанию, и поскольку окно у девчонок тоже было открыто, мы через несколько минут уже могли, пусть громко (между нашими зданиями была всё-таки небольшая, но улица), но что-то прокричать друг другу. Девушки пригласили нас к себе. Мы совещались недолго, так как Саша сказал самую убедительную фразу: «По крайней мере – поедим что-то вкусное». Стол действительно был богатым: коньяк, фрукты, салаты. Мы очень мило пообщались, договорились вместе сходить на танцы в ДК, но как-то не сложилось.

Не знаю почему, но Саша завалил сочинение, поступая на филологическое отделение. Мы провожали его всей компанией, девушки даже плакали. Ночным поездом Саша возвращался в Йошкар-Олу, откуда он приезжал в Заполярье по его словам «в поисках романтики».

Через год после успешного окончания I курса физико-математического факультета Мурманского пединститута я перевелся на второй курс инженерно-экономического факультета Марийского политехнического института в г. Йошкар-Оле.

Судьба вновь свела меня с Сашей Смирновым, когда я учился на 5 курсе. Студенты ИЭФ жили в первом общежитии, что и сейчас стоит рядом с главным корпусом МарГТУ – так теперь называется «политех». В теплый весенний день прогуливаясь с приятелями у музыкального театра, я совершенно случайно встретил Сашу Смирнова. Мы обнялись. Он удивился: почему я в Йошкар-Оле. Взяли пару бутылок вина и расположились в комнате общежития. Целый вечер мы вспоминали лето 1970 года, Заполярье, наши абитуриентские дни. У меня была фотография: Саша в вестибюле около доски объявлений в Мурманском пединституте. Он очень обрадовался, увидев фотографию, и даже просил сделать ему копию фотографии в фотоателье.

Мы виделись еще несколько раз, а затем я после окончания института уехал в Сибирь, потом была Армия и возвращение в Йошкар-Олу. Обратился к Саше в период когда мне нужно было жилье в городе на пару недель. Он без проблем помог мне. Пользуясь своими связями в студенческих кругах университета, познакомил меня с председателем студсовета, который смог неформально выделить мне комнату в общежитии на несколько летних дней, когда студенты были на каникулах. Через два-три дня я решил свой квартирный вопрос, и жить нелегально мне не пришлось.

Жизнь всё расставила по местам. Александр закончил Марийский государственный университет, и как-то сразу занял своё место в журналистике

республики. Он владел не только пером, но и фотоаппаратом, с которым временами не расставался. Его острые, ироничные статьи вызывали неоднозначную оценку, но они всегда были востребованы читателями. За его публикациями следовали вопросы и споры. Он не боялся разоблачать и обличать, но боролся он не ради разрушения, хотя его и обвиняли что он «раскачивает лодку», а ради высшей справедливости, о которой многие говорили и мечтали, но только избранные могли открыто противостоять злу. Причем зло это не какой-то абстрактной формы, а в образах вполне конкретных лиц. При всем этом Александр оставался компанейским парнем и настоящим семьянином. Но даже в этих незыблемых для него сферах он вносил свой экстремальный подход. Например, ради своей возлюбленной Саша ездил в археологические экспедиции. Принцип отрицания отрицаний безусловно присутствовал в его мировоззрении, но в жизни его всегда имели место идеи и люди которым он оставался верен. Были и другие ценности, о которых он говорил искренне и без иронии. В конце восьмидесятых, случайно встретившись на улице в Йошкар-Оле, Саша с гордостью показал мне удостоверение члена Союза журналистов и сказал, что это единственное его достижение, имея в виду, что нет у него ни должностей высоких, квартиры и машины. Он не был «бессеребряником», но своё духовное предназначение ставил выше материальных благ, прелести которых наше поколение уже могло оценить и принять в те годы. Смирнов стал известным в республике журналистом, и это воспринималось среди его друзей и знакомых как процесс естественный, вытекающий из его импульсивного, творческого начала. Я в то время возглавлял экономические службы ряда предприятий. Мы редко виделись, но сохраняли приятельские отношения.

Наступившая перестройка, а затем другие перемены изменившие страну и нас позволяли надеяться, что из хаоса, в который сползала великая страна, общество выйдет другим. Никто не ведал каким оно будет, но большинство людей ждало перемен к лучшему. В конце восьмидесятых – начале девяностых годов я работал заместителем генерального директора кооперативного объединения «Ладога». Лесозаготовка, деревообработка, производство железобетонных изделий приносили немалый доход, а поскольку в начале девяностых складывались своеобразные экономические, или скорее околэкономические отношения то не обошлось без предложений «поделиться». «Ладога» обходила все препоны, пока требование передавать ежемесячно сумму в размере 10% от всей реализации не поступило от руководителя объединения «Марийскмелиорация» К.В. Ефимова, известного впоследствии своим молниеносным переездом в США, куда он прихватил с собой 1 млн. долларов бюджетных средств.

Ефимов подключил административный ресурс, и наше противостояние с высокопоставленным чиновником привело к падению объемов производства нашей фирмы. Но мы тогда верили в перемены и демократию. Время было такое – всё менялось и хотелось верить – в лучшую сторону.

Я подготовил обстоятельную статью о сложившейся ситуации, она так и называлась «Противостояние». Её рассмотрели даже в редакции «Литературной газеты», тогда это был рупор демократии, (по этому вопросу мне специально пришлось ехать в Москву), но всё-таки посоветовали опубликовать в местной – республиканской прессе.

Статья с конкретными фактами мздоимства известных в республике людей могла наделать много шума, и поэтому была проблема с публикацией. Несмотря на провозглашенную гласность и демократию, редакторы осторожничали. Смелости продвинуть статью хватило только у Саши Смирнова которому я откровенно рассказал про сложившуюся ситуацию. У него уже был тогда имидж журналиста непокорного властям. Кстати, один из редакторов мне откровенно сказал, что опубликовать вашу статью может лишь один человек в республике – Александр Смирнов. Обстоятельства сложились таким образом, что на Совете директоров «Ладоги» было решено повременить с публикацией, а потом мы создали другую независимую фирму, и актуальность статьи была упущена, но повторяю: в те непростые дни Смирнов Саша не испугался последствий и единственный был готов опубликовать разгромную для чиновников статью.

Своим друзьям Саша говорил – «Когда я умру, меня будет хоронить весь город». Слова оказались пророческими: о его смерти узнала вся страна.

Александр Смирнов погиб в 1993 г. в Москве у стен Белого дома и сообщение об этом неоднократно передавали центральные средства массовой информации. Несколько лет спустя в Марий Эл была учреждена премия для журналистов республики за принципиальность и смелость имени Александра Смирнова. В журналистику приходят новые поколения, но имя Саши Смирнова, человека, журналиста, правдоискателя навсегда останется светлой страницей в истории нашей республики.

Многое изменилось в моей жизни, в республике и стране. В 2005 году, я приехал в Мурманск, город моей юности, и был тепло встречен сокурсниками и деканатом Педагогического института. Майским поздним вечером я стоял напротив здания, где когда-то было общежитие пединститута (сейчас там расположены офисные помещения), и вспоминал далекие дни моей юности. Эти воспоминания остаются со мной навсегда: молодые, задорные мальчишки и девчонки семидесятых с верой и надеждой в лучшее будущее своей страны и своей судьбы.

Анатолий Подольский,
член Союза писателей России